

РУЗСКИЙ
ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,
ректор
Политехнического института
(06.11.1919–11.07.1921)

Дмитрий Павлович Рузский
(06.01.1869—1937)

В начале ноября 1919 года декан инженерно-строительного факультета Дмитрий Павлович Рузский получил из администрации I-го Петроградского политехнического института, как назывался Политехнический институт с 05.06.18 по 01.01.23 года, официальную бумагу, еще сохранившую ставший старомодным почтительный тон: “Милостивый Государь Дмитрий Павлович! На основании постановления Президиума Совета института, ввиду отказа профессора Ф.Ю. Левинсона-Лессинга от должности ректора института, в Общем собрании факультетов, состоявшемся 5 сего ноября, были произведены выборы нового ректора, и Вы оказались избранным на эту должность. Сообщая об изложенном, прошу Вас принять уверения в моем совершенном уважении и преданности. Секретарь Совета Н. Тимашев” [1].

Бумага не соответствовала действительности: Левинсон-Лессинг на этот раз не отказывался от должности, он вообще мог не знать, что его выбрали в третий раз, так как во время выборов был в командировке, а по возвращении – сразу же арестован. Но, действительно, дважды в течение одного года он слагал с себя полномочия ректора, выдержав немногим более двух месяцев. До Левинсона-Лессинга после трех месяцев пребывания на посту ректора мотивировал свой отказ болезнью М.А. Шателен. Два опытных администратора, профессора с большим стажем, чья служба в институте началась с его основания, не смогли справиться с возникшей обстановкой. Разрушающие институт действия коменданта и Комитета рабочих и служащих, которые не подчинялись ректору, отсутствие реальной поддержки со стороны власти – такой ситуации до октября 1917 года представить себе было просто невозможно.

Октябрь 1919 года принес городу и институту новые потрясения: армия генерала Юденича вышла на ближние подступы к Петрограду, захват которого становился реальностью. Город принял фронтной вид, баррикады и огневые точки находились даже в центре. Все население было мобилизовано (рыли окопы), преподаватели и профессора Политехнического института были отправлены в район Путиловского завода. Институт, окруженный со всех сторон окопами и проволочными заграждениями, превратился в неприступную крепость. С 21 октября от Пулковских высот началось

отступление Юденича, освобождались Луга, Гатчина, Волосово. Но наступали другие, не менее грозные враги — голод и холод. Преподаватели спешили уехать на юг, в более теплые и сытные края. Многие кафедры оказались свободными, и на вакантные должности был объявлен конкурс.

30 октября исполнилось три месяца после отказа Левинсона-Лессинга от должности, а Политехнический институт все еще оставался без руководителя. В это тяжелое время Д.П. Рузский и получил предложение стать ректором.

Сейчас невозможно точно узнать, были ли у него, человека для института нового, сомнения и колебания. Думается, что не было. К такому заключению приходишь, изучив те немногие доступные нам биографические материалы, которые рассказывают о Рузском — преподавателе, инженере, общественном деятеле, человеке.

Дмитрий Павлович Рузский родился 6 (18) января 1869 года в городе Ветлуге Костромской губернии в семье мелкого чиновника Павла Виттовича Рузского, который впоследствии дослужился до чина действительного статского советника, дающего право на потомственное дворянство. В 1887 году Дмитрий Павлович окончил Нижегородскую гимназию и поступил на физико-математический факультет университета в Киеве, где в это время жила его семья, но через год перешел на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1891 году по разряду математических наук с дипломом I степени, а в 1895 году — инженерно-механическое отделение Московского технического училища “при отличных успехах в науках” со званием “инженер-механик”.

В этом же году Д.П. Рузский поступил на службу в Общество Северной железной дороги, в 1896 году перешел на Невский завод в Санкт-Петербурге, конструктором в пароходный отдел. В 1897 году он был уже в правлении Общества Китайско-Восточной железной дороги: проектировал буксирные пароходы для реки Сунгари, а затем его отправили в Англию для наблюдения за постройкой этих пароходов.

Здесь же в 1898 году он получил предложение от директора открывавшегося в Киеве Политехнического института В.Л. Кирпичева предпринять командировку для подготовки к профессорскому званию. Рекомендацию молодому инженеру дал его учитель, профессор Московского университета и Технического училища, выдающийся механик и основоположник гидроаэродинамики Н.Е. Жуковский. “Рузский был у нас в университете хорошим математик и аккуратный, прилежный студент, — писал Н.Е. Жуковский. — Курс Технического училища прошел он с успехом и оставил у руководителей о себе добрую память ...Этой зимой я получил от Рузского

его научный труд “Опыт теории гребных винтов”... Эта первая работа рекомендует автора с хорошей стороны. Я думаю, что в лице Д.П. Рузского Киевский политехникум может приобрести молодого ученого, из которого может выработаться сильный профессор” [2].

Дмитрий Павлович принял предложение директора Киевского политехнического института и, переехав из Англии в Берлин, посещал лекции в Шарлоттенбургском политехникуме, специализируясь по прикладной кинематике и гидравлике. В 1899 году он приехал в Киев и с 1 сентября начал читать лекции по прикладной механике в качестве исполняющего обязанности экстраординарного профессора. 5 апреля 1901 года Д.П. Рузский успешно защитил диссертацию на звание адъюнкта на тему “Теория гребных винтов”. Оппонентами на этой, первой в институте, защите были Н.Е. Жуковский и А.П. Котельников. В 1902 году Д.П. Рузский был утвержден в звании экстраординарного, а в 1903 году – ординарного профессора.

Во время службы в Киевском политехническом институте Дмитрий Павлович читал лекции по кинематике машин, общей теории машин, гидравлике, гидравлическим двигателям, деталям машин, руководил проектами по гидравлическим двигателям и насосным станциям и, временно, по канализации и водопроводу. Курсы прочитанных Д.П. Рузским лекций были изданы в Киеве, а позднее и в Петрограде. Одновременно с преподавательской деятельностью Рузский заведовал кабинетом кинематических моделей и лабораторией по испытанию смазочных материалов.

Большое место в жизни Д.П. Рузского всегда занимала административная и общественная деятельность. Уже в сентябре 1899 года он был избран на четыре года секретарем механического отделения КПИ, с 1904 по 1906 год занимал пост декана инженерного отделения и, наконец, дважды, в 1907 и 1909 годы его избирали директором Киевского политехнического института – и оба раза не последовало утверждения свыше. Причиной была позиция Д.П. Рузского в период участвовавших студенческих волнений, которые приняли особенно острый характер после того, как в январе 1905 года полицией были разогнаны митингующие студенты. Обращение группы деканов (в их число входил и Рузский) к министру финансов В.Н. Кокорцеву в защиту студентов никакого результата не дало, и Дмитрий Павлович, в связи с обострением отношений с администрацией, в мае 1906 года отказался от поста декана.

Утверждение Рузского директором КПИ в 1907 году не состоялось. Накануне губернатором было получено донесение начальника Киевского охранного отделения: “Несомненно, что при утверждении профессора Рузского директором КПИ революционная

деятельность его будет проявляться в полной силе... и институт явится очагом революционного и оппозиционного движения” [3].

В 1909 году сам министр внутренних дел П.А. Столыпин отозвался о нескольких профессорах КПИ (среди них был и Рузский) как об имеющих “противоправительственный характер политических взглядов” [4]. Последовало вторичное неутверждение Дмитрия Павловича директором.

10 марта 1911 года Рузский вместе с семью профессорами КПИ подал в отставку “ввиду увольнения трех профессоров и деканов... и полного расстройств учебного дела в институте” [5]. После этого он поступил на службу в Киевскую городскую думу в качестве главного инженера по постройке канализации и исполнял эту обязанность в течение двух лет. В этот же период, по поручению Харьковской городской думы, он руководил проектом переустройства харьковского водопровода и исполнил проект водопровода для города Черкассы.

В 1913 году Д.П. Рузский после приглашения на должность главного инженера по постройке канализации в Санкт-Петербурге переехал в столицу. В этом же году на Совете Института инженеров путей сообщения его избрали по кафедре “Санитарная техника”, но он опять не был утвержден. Можно предположить, что причиной еще раз послужила его общественная деятельность в КПИ. И только после Февральской революции, в марте 1917 года, он был утвержден экстраординарным профессором этого института по кафедре “Гидравлика”. В январе 1916 года Д.П. Рузский был избран товарищем (заместителем) председателя Императорского русского технического общества.

С 1914 года началась служба Дмитрия Павловича в Санкт-Петербургском политехническом институте. 1 января 1914 года инженер-механик Д.П. Рузский по представлению инженерно-строительного отделения был избран (на полгода) преподавателем курса канализации. В это время Дмитрию Павловичу 45 лет, он — статский советник, кавалер двух орденов, его жена — графиня Е.А. Коновницына, дети (двое) еще малолетние, имения семья не имеет.

В течение нескольких лет Д.П. Рузский оставался в Политехническом институте преподавателем по найму. Ежегодно повторялось его переизбрание; только в апреле 1917 года на инженерно-строительном отделении был поднят вопрос об ожидаемом большом спросе в российских городах на инженеров — специалистов по водоснабжению и канализации и о том, что в институте для замещения этой кафедры имеется подходящая кандидатура — Дмитрий Павлович Рузский, “который соединяет в себе выдающегося теоретика и практика в области различных отделов гидравлики и имеет большую педагогическую опытность” [6].

25 апреля 1917 года на заседании инженерно-строительного отделения Д.П. Рузский был единогласно избран ординарным профессором по кафедре “Строительное искусство” отдела водоснабжения и канализации. Ходатайство об избрании было отправлено деканом отделения в Совет института 26 апреля, но лишь 4 октября 1917 года Рузский был избран Советом. Затем его кандидатура подлежала утверждению министром (так было с основания института), но вскоре “произошел октябрьский переворот, и с тех пор утверждение в должности профессоров стало проводиться Советом института” [7].

Д.П. Рузский был утвержден в должности ординарного профессора по кафедре “Строительное искусство” Петроградского политехнического института лишь с 1 мая 1918 года. В декабре этого же года он был избран деканом инженерно-строительного факультета, а 3 сентября 1919 года профессору Рузскому было поручено заведование гидравлической лабораторией.

Вселению Д.П. Рузского в один из профессорских домов на территории института предшествовали события в духе того времени. В мае 1919 года Дмитрий Павлович обратился с письменной жалобой к ректору Ф.Ю. Левинсону-Лессингу: по распоряжению жилищной комиссии Петрограда у него опечатали (или конфисковали?) личные вещи и библиотеку. Ректор в свою очередь обратился к наркому просвещения и обстоятельно объяснил ему, что профессор Рузский, декан инженерно-строительного факультета, в интересах преподавания должен жить на территории института, в предоставляемой ему квартире, но он сможет это сделать, если ему будет дана возможность вывезти свою обстановку со склада. “Считаю долгом присовокупить, - деликатно разъяснял ректор, — что профессор Рузский состоит на действительной технической службе и что согласно декрету Совнаркома от 19 декабря 1918 года аресты, обыски, выселения, конфискации и тому подобные меры по отношению к призванным на действительную техническую службу допускаются не иначе как с ведома... учреждений, в чьем распоряжении находится призванный” [8]. Конец этой истории нам неизвестен.

По воспоминаниям профессора Б.Н. Меншуткина, январь 1920 года был самым трудным месяцем этой тяжелой зимы. Лютые морозы, из-за отсутствия топлива замерзли водопроводы. Для общественных нужд в парке рубили сосны, а сучки от них подбирали преподаватели. Учебных занятий в это время не было, так как и преподаватели и студенты ослабели от голода, многие болели цингой. В феврале наступило небольшое улучшение: по настоянию М. Горького в КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых) начали выдавать академический паек, и это продолжалось до 1922 года.

Присылали подарки иностранные ученые – продукты, теплые вещи, научные книги. Студентам помогала АРА (американская организация Красного Креста), которая присылала учебники, открывала для студентов столовые. Приходили посылки от Нансеновского комитета.

С 1920 года всем профессиональным образованием в стране руководил Главный Комитет профессионально-технического образования (Главпрофобр, или ГПФ). С марта 1920 года в Петрограде было учреждено его отделение – Петропрофобр.

24 марта 1920 года до сведения института был доведен декрет о срочном выпуске. Страна нуждалась в квалифицированных инженерах, и поэтому Совнарком предложил откомандировать с предприятий, из учреждений, из Красной Армии бывших студентов, которые выразили желание закончить институт к осени 1920 года. Было предложено приравнять студентов, допущенных к усиленным занятиям, в отношении снабжения к учащимся военных училищ и выдавать им стипендии. В Политехническом институте был организован Особый комитет по срочному выпуску во главе с представителем ГПФ и избранным 5 ноября 1919 года ректором Д.П. Рузским. К июлю 1920 года число “срочников” достигло нескольких сотен человек. Первое время учеба их продвигалась успешно, чему способствовали получаемые ими красноармейские пайки, однако летом наступило резкое ухудшение в снабжении города, студенты месяцами не получали продуктов и вынуждены были искать работу на стороне, чтобы прокормиться, вследствие этого понизилась и успеваемость.

4 июня 1920 года был опубликован декрет Совнаркома о высших учебных заведениях. Его пункты (в кратком изложении) требовали:

преподавание во вузах должно строго соответствовать современным нуждам РСФСР;

срок прохождения курса во вузах – три года;

количество принимаемых вузом студентов определяется ГПФ;

в первую очередь принимаются рабочие, получившие подготовку на рабфаках, которые должны быть открыты при всех вузах;

принятые студенты зачисляются на государственную службу и обязаны “учебной повинностью” со строжайшим контролем над занятиями. Студенты за прогульные дни, помимо других мер, лишаются пайка.

После опубликования декрета факультеты Политехнического института приступили к разработке новых планов и программ, так как требовалось уложить весь курс в три года. С этой задачей справились на всех факультетах, кроме кораблестроительного,

для которого минимальным сроком обучения было оставлено четыре года.

10 августа 1920 года Совнарком опубликовал новый декрет о порядке приема студентов. Всем бывшим студентам, имевшим зачеты, предоставлялось право вернуться в вузы, для этого их надлежало откомандировать из тех учреждений и воинских частей, в которых они находились. На 1-й курс реформированных вузов должны были приниматься лица обоего пола, обладающие достаточным развитием и знаниями. Условия приема определялись ГПФ. В первую очередь должны были приниматься рабочие и лица с практическим стажем. Кроме студентов к занятиям допускались все желающие, насколько позволяла вместимость аудиторий и лабораторий.

15 октября 1920 года в Политехническом институте был открыт, по декрету Совнаркома, первый среди вузов Петрограда рабочий факультет. Основная задача рабфаков заключалась в привлечении широких пролетарских и крестьянских масс в высшие учебные заведения. Все учащиеся рабфаков пользовались полным социальным обеспечением (стипендия, общежития и др.) и преимущественным правом поступления в вузы.

Летом 1920 года администрацией Политехнического института было получено Положение о домовых комитетах бедноты Петрограда и его пригородов, подписанное Г.Е. Зиновьевым. В обязанность этих комитетов входило наблюдение за “буржуазным” населением домов: надлежало следить за исполнением трудовой повинности, за тем, не собираются ли у них контрреволюционные элементы. В октябре 1920 года Петропрофобр назначил студента Титова уполномоченным по жилищным делам для отыскания помещений для студентов. Его “деятельность” была столь вредна для института, что ректору пришлось через Петропрофобр отменять его нелепые распоряжения.

С декабря 1919 года по февраль 1921 года было прервано трамвайное сообщение с городом. По-прежнему свирепствовали голод и холод. Администрация института делала все возможное, чтобы хоть немного поддержать студентов и преподавателей. На заседаниях президиума института, на совещаниях деканов поднимались злободневные вопросы: об организации курса лекций по огородничеству, о возбуждении ходатайства перед КУБУ о предоставлении керосина профессорам и преподавателям, живущим на территории института. В 1919–1920 годы из-за тяжелого материального положения и отсутствия бумаги не издавались “Известия Политехнического института”. Документы в это время печатались на оборотной стороне бланков, дипломов, грамот в честь 300-летия дома Романовых.

Жизнь института в 1920 году проходила на фоне все ухудшавшегося положения с продовольствием. 4 августа глава партийного руководства и председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев отправил в Москву телефонограмму следующего содержания: “В Питере неизбежен кризис ввиду явно неправильной политики Наркомпрода... Питеру не идут на помощь. Снимаю с себя всякую ответственность за последнее” [9]. За два месяца ситуация ухудшилась, и 1 октября из Петрограда в Москву отправилась очередная телефонограмма: “Продовольственное положение в Петрокоммуне небывало катастрофическое... Послезавтра всему городу нельзя будет выдать ничего” [10].

Петроградские ученые решили обратиться к своим коллегам и журналистам из западных стран, правительства которых не хотели помогать большевистскому режиму, с призывом спасти русскую науку и культуру от голода. 27 января 1921 года 140 крупных ученых: 36 академиков, 40 ректоров (можно не сомневаться, что Д.П. Рузский был среди них), директоров и председателей вузов, 40 видных профессоров, 20 инженеров и хозяйственников приняли решение созвать совещание по продовольствию, и уже 19 февраля В.И. Ленину было отправлено письмо, в котором указывалась точная сумма необходимого займа (120 млн. рублей золотом) для закупки продовольствия в США и Аргентине и доставки его в Россию. Советским правительством это предложение поддержано не было. Из письма Л.К. Мартенса, представителя РСФСР в США, управделами Совнаркома Н.П. Горбунову от 4 марта 1921 года: “...если бы даже проектируемый заем и был возможен, то и тогда Советскому правительству следовало бы противодействовать его заключению... Переговоры о таком займе могли бы быть истолкованы как признак слабости Советского правительства, чуть ли не как признание им своего банкротства” [11].

Голод в Москве и Петрограде удалось предотвратить, но из-за неурожая 1920–1921 годов в Поволжье и других районах погибли от голода миллионы людей.

Но даже в эти годы институт продолжал жить. На заседании Совета в марте 1921 года кораблестроительный факультет докладывал об учреждении Музея авиационных и лодочных двигателей. На технических факультетах с 1919 по 1921 год было создано 24 новых кафедры, утверждены избранные профессорами А.А. Фридман, Н.Н. Павловский, А.А. Морозов, М.М. Карнаухов, Г.К. Ризенкамф; преподавателями – П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, Д.В. Скобельцын, М.Д. Чертоусов и многие другие, кем и поныне гордится Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (Политехнический институт).

В Петроградском политехническом институте, как это было и в Киеве, Д.П. Рузский всегда стремился защитить своих коллег, студентов, подчиненных, даже если последствия этого могли отразиться на его карьере. Весной 1921 года по циркуляру Петропрофобра надлежало уволить из вузов всех служителей культа. Военком Березуцкий в письме ректору и председателю Особого комитета I ППИ требовал уволить преподавателя богословия М.В. Троицкого, “снять с денежного и пайкового довольствия” и выселить из занимаемой им квартиры. И это в голодный и холодный 1921 год! Троицкий был преподавателем богословия и членом Совета Политехнического института с 1908 года, и Д.П. Рузский пытался сохранить его, дав новую должность - преподавателя курса истории религии. В связи с этим ректору пришлось пережить немало неприятностей.

Еще одна отличительная черта той эпохи — частые аресты. Человека могли арестовать за принадлежность к какой-либо партии (не большевиков) и просто без видимой причины. Обычно арестованного отпускали через несколько дней или недель. Очевидно, помогало и ходатайство института, инициатором которого всегда выступал ректор Рузский. 11 марта 1921 года на президиуме Совета он доложил об аресте (уже не первом) секретаря Совета профессора Н.С. Тимашева. Президиум постановил: ходатайствовать перед Чрезвычайной Комиссией о скорейшем его освобождении. Через несколько дней Тимашев уже был в институте. В этом же месяце от ректора в ЧК поступил протест в связи с арестом профессора Н.А. Рожкова, преподавателей П.С. Осадчего и Б.И. Карпенко и ходатайство о скорейшем их освобождении.

2 марта 1921 года состоялось заседание Совета в увеличенном составе. Ректор объявил о кончине первого директора Санкт-Петербургского политехнического института А.Г. Гагарина и Почетного члена института Д.К. Чернова. Совет постановил: поместить портрет А.Г. Гагарина в зале заседаний Совета. На этом же заседании Совета был выбран новый президиум. Д.П. Рузский снова стал ректором, профессор Е.Л. Николаи — проректором по учебным делам, профессор Л.В. Залуцкий — проректором по хозяйственным делам, профессор Н.С. Тимашев — секретарем Совета. Выбрали еще трех студентов — так полагалось по новым правилам. В этом же месяце Дмитрий Павлович сложил с себя полномочия декана инженерно-строительного факультета. В этой должности он оставался с декабря 1918 года.

В 1920—1921 годы Положение о высших учебных заведениях еще только разрабатывалось, первая редакция была опубликована только 2 сентября 1921 года. Постановлением от 4 марта 1921 года Совнарком предписывал ввести в учебные планы обязательное пре-

подавание общественных наук, в частности таких предметов, как развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция, политический строй РСФСР. Основная особенность учебных планов 1920 и 1921 годов – сокращение срока обучения до трех лет, а для этого необходимо было уменьшить число преподаваемых дисциплин, сделать их доступными для изучения. Отдельные факультеты стали подразделяться на большее число специализаций, так как за три года возможно было подготовить только специалиста узкого профиля.

Несмотря на тяжелейшие условия, ППИ сумел в 1921 году дать стране 213 специалистов. Это был самый большой выпуск после 1917 года. В 1920 году институт окончили 79 человек, а в 1919 году – всего 43. Даже в 1917 году выпускников было 286. Число окончивших институт в 1921 году возросло за счет “срочников”. 29 июня 1921 года Особый комитет по срочному выпуску инженеров-специалистов ППИ сообщал о них в Главпрофобр следующее: “Наступившее ухудшение в снабжении продовольствием чрезвычайно губительным образом отзывается на успеваемости студентов и состоянии их здоровья. Упадок сил, головокружение, обмороки и легочные процессы за последнее время значительно усилились. Существующий порядок получения отпусков через Центральную врачебную комиссию дает возможность студенту получить отпуск лишь тогда, когда в его здоровье происходит резкое ухудшение, между тем как интересы успешной работы и сохранения здоровья диктуют принятие предупредительных мер. Вовремя взятый краткосрочный отпуск в провинцию для студентов, имеющих возможность на родине усилить свое питание и привезти с собой некоторый запас продовольствия, несомненно, явился бы в этом отношении наиболее разумной мерой” [12]. В этом же письме ППИ информирует Главпрофобр (в который раз!) о предстоящей холодной зиме без топлива.

Секретарь Совета Н.С. Тимашев через много лет, находясь в эмиграции, описал свое ощущение того времени: «Назревал кризис. Было ясно, что дела так продолжаться не могут. В начале 1921 года мне с ректором института Д.П. Рузским довелось ехать в город на двуколке, – это была привилегия ректора и других членов президиума, остальным часто приходилось ходить пешком. Мы часто пользовались этим случаем, чтобы поговорить по душам – шум от двуколки был такой, что подслушать нас было невозможно. Мы пришли к выводу, что в ближайшее время разразится революция, и на всякий случай простились друг с другом – от некоторых наших благожелателей из числа коммунистов мы знали, что наши имена стоят в черном списке тех, кого надлежит уничтожить прежде, нежели “крепко хлопнуть дверью”, по выражению Троцкого» [13].

11 июля 1921 года институтом была получена телефонограмма от председателя Петропрофобра А.А. Сотникова: “Довожу до Вашего сведения, что президиум I ППИ утвержден, за исключением профессора Рузского и профессора Тимашева. Временно до перевыборов исполнение обязанностей ректора возлагается на профессора Николаи” [14].

27 июля Совет собрался в расширенном составе. По устному поручению председателя Петропрофобра проректор по хозяйственным делам сообщил, что Рузскому ставится в вину разлаженность хозяйственного аппарата института и недостаток дисциплины среди вспомогательных служащих и рабочих (не по этой ли причине сложили с себя в 1919 году обязанности ректора М.А. Шателен и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг?). Причины неутверждения Тимашева – политические. Студент С.Я. Гессен от имени представителей студентов и служащих НИК (Научно-исследовательские курсы для инженеров) зачитал проект резолюции Совета: “Выразить профессорам Д.П. Рузскому и Н.С. Тимашеву глубокую благодарность за их тяжелую и напряженную работу, проходившую в условиях необычайно тяжелого времени и содействовавшую постепенному возрождению института и оживлению его научной и учебной деятельности, и сожаление по поводу факта их неутверждения” [15].

Для вручения председателю Петропрофобра резолюции, единогласно принятой Советом, была избрана делегация, которую 2 августа принял председатель Петропрофобра, а 3-го – заведующий отделом Наробраза. В резолюции подчеркивалось: “Совет признает, что распоряжение председателя Петропрофобра, имея форму неутверждения избранных Советом членов президиума, фактически является устранением профессоров Д.П. Рузского и Н.С. Тимашева от должностей, которые исполняли они с ведома и молчаливого согласия Петропрофобра более четырех месяцев, считая со дня их избрания на основании нового устава, и в которых они состояли непосредственно перед этим избранием в течение более года... Как акт фактического и притом экстренного устранения в административном порядке ректора и секретаря Совета, распоряжение Петропрофобра представляется исключительной мерой, которая применяется к I ППИ впервые за все время его существования” [16].

Совет, как высший руководящий орган института, был готов разделить с ректором ответственность, но за что? Ему были неизвестны фактические данные, послужившие основанием для неутверждения Рузского. Указание Петропрофобра на политические мотивы неутверждения Тимашева вызвало у Совета недоумение, поскольку “институт является по самому своему существу организацией аполитичной” [17].

Приняв делегацию от института и ознакомившись с резолюцией, председатель Петропрофобра своего решения не изменил. Истинная причина неутверждения Д.П. Рузского осталась неизвестной. Возможно, кто-то обратил внимание на его родство с генералом Н.В. Рузским, расстрелянным большевиками в 1918 году на юге России вместе с другими заложниками. Маловероятно, что стала известна его принадлежность к масонской организации, в которой он состоял в годы войны и играл в ней важную роль — был членом местного петербургского Совета и его секретарем. По воспоминаниям одного из участников масонской ложи, на одно из организованных ими собраний Д.П. Рузский привел М. Горького.

После отстранения от должности ректора Д.П. Рузский оставался профессором и заведующим гидравлической лабораторией. Это был период, когда профессора, преподаватели, сотрудники и студенты института принимали участие в осуществлении плана электрификации страны. В 1922 году Д.П. Рузский в докладной на имя декана электромеханического факультета сообщал о том, что в проектировочном бюро Волховской гидроэлектрической установки выявилась необходимость провести ряд исследований для определения наиболее подходящего типа плотины. Руководство волховского строительства намеревалось поручить эти исследования гидравлической лаборатории ППИ, но получило сведения, что лаборатория в последние годы пришла в расстройство и не отапливается. “Недопустимо, — писал Рузский, — чтобы Политехнический институт, имея лучшую лабораторию для производства нужных исследований, остался в стороне” [18]. Сотрудники лаборатории во главе с преподавателем А.А. Сабаневым выполнили сложный ремонт, причем оплата работ и приобретение материалов были произведены на личные средства Сабанеева, а Волховстрой отпустил средства на приобретение 7 кубометров дров для лаборатории. Исследования для Волховстроя были успешно завершены.

В 1921 году Д.П. Рузский по приглашению профессора ППИ Г.К. Ризенкампа, организатора и директора Научно-мелиорационного института, вступил в должность старшего научного сотрудника, а с марта 1922 года он — член Совета института. Вместе с Г.К. Ризенкампом и Н.Н. Павловским (будущим академиком) Д.П. Рузский вошел в состав редакции “Известий Научно-мелиорационного института”, где в 1922—1923 годах были напечатаны его работы: “Модуль Кеннеди (водомер для ирригационных систем)”, “Водомеры с возрастающими сопротивлениями (Модуль Джибба)” и др. В 1924 году в Государственном издательстве Ленинграда были напечатаны как специальные пособия для высшей школы его лекции, некоторые из которых он читал еще в Киевском

политехническом институте. На учебнике “Кинематика машин” [19], подаренном им Фундаментальной библиотеке, Дмитрий Павлович оставил автограф: “В справочный отдел от автора. 3.V.24”.

Летом этого же года Дмитрий Павлович выехал с больной женой за границу, затем попросил продления отпуска. 1 сентября 1925 года он был отчислен из Ленинградского политехнического института “ввиду невозвращения из отпуска”. В те годы подобная запись в архивном деле не была редкостью.

С 1925 года Дмитрий Павлович Рузский – профессор технического факультета Загребского университета в Югославии, читал лекции по гидравлике, гидравлическим машинам, насосам, проводил научную работу и печатался до последнего года своей жизни. Умер он в Югославии в 1937 году в возрасте 68 лет.

Максим Горький писал: “Я имел высокую честь возвращаться около них в трудные 1919–1920 годы. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стойческим мужеством творцы русской науки переживали голод и холод, видел, как они работали и как умирали... Я думаю, что русскими учеными, их жизнью и работой в годы войны и блокады дан миру великолепный урок стоицизма” [20].

Эти слова с полным правом можно отнести и к Дмитрию Павловичу Рузскому.

Основные научные труды

Рузский Д.П. Теория гребных винтов: Докт. дис. Киев: Тип. Чоколова, 1900. 60 с.

Теория механизмов: Лекции проф. Д.П. Рузского, читанные в Киевском политехн. ин-те / Сост. и изд. Г.К. Ташенко. Киев, 1902. 149 с.

Гидравлика: Лекции, читанные проф. Д.П. Рузским в 1907 г. / Изд. М.Я. Апте. Киев, 1907. 160 с.

Рузский Д.П. Кинематика машин: Лекции, читанные в Киевском политехн. ин-те в 1906–1907 г. Киев: Тип. Лубковского, 1908. 204 с.

Гидравлические двигатели: Курс лекций, читанных проф. Д.П. Рузским в Киевском политехн. ин-те / Изд. М.Я. Апте “Прогресс”. Киев, 1908. 88 с.

Рузский Д.П. Гидравлика: Лекции, читанные в Киевском политехн. ин-те в 1908–1909 г. Киев: Тип. Лубковского, 1910. Вып. 1.

Рузский Д.П. Модуль Кеннеди / Науч.-мелиорац. ин-т. Пг., 1922. 13 с.

Рузский Д.П. Водомеры с возрастающими сопротивлениями. Модуль Джибба: Отд. отт. из “Изв. Науч.-мелиорац. ин-та”. Пг., 1923. Вып. 3. 23 с.

Рузский Д.П. Кинематика машин: Спец. пособие для высш. шк. Л.: Госиздат, 1924. 199 с.

Рузский Д.П. Общая теория машин: Лекции (Норм. руков. для высш. шк.). М.; Пг.: Госиздат, 1924. 142 с.